

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Иванов Валерий Алексеевич

**Заместительные обряды в религиозной традиции Анатолии
II тысячелетия до н.э.**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Александров Борис Евгеньевич, кандидат исторических наук.*
- Официальные оппоненты** – *Казанский Николай Николаевич, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН, научный руководитель, заведующий отделом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований*
- Амиров Шахмардан Назимович, доктор исторических наук, Институт археологии РАН, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики*
- Немировский Александр Аркадьевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций*

Защита диссертации состоится «16» декабря 2024 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3202>

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Хеттское царство второго тысячелетия до н.э., располагавшееся в Анатолии, было населено представителями разных народов, говоривших на разных языках и поклонявшихся разным божествам. Столь неоднородный в этнокультурном плане регион был объединён системой идеологии царской власти, инкорпорировавшей в себя верования населявших его народов.

Большинство клинописных текстов на глиняных табличках из архивных библиотек хеттской столицы Хаттусы-Богазкёя касаются религиозной жизни Хеттского царства. В Хаттусе найдены композиции, описывающие государственные праздники, магические ритуалы, мифы, результаты проведения разных видов гаданий. Эти тексты предназначались для нужд хеттской царской власти, имевшей мощную сакральную составляющую. Согласно представлениям жителей древнего Ближнего Востока, царь был ответственным за связь между миром богов и миром людей. Обильные урожаи и победы на поле боя считались следствием благосклонности богов к правителю, а значит, залог успешного правления был в верном исполнении царём функций верховного жреца.

В древних обществах не существовало чёткого разделения между религией, магией и наукой, и потому представления об окружающем мире формировались за счёт сведений о функционировании этих трёх сфер. Работа интеллектуальных кругов хеттской столицы по собиранию и редактированию религиозных и магических текстов и привела к аккумуляции в архивах Хаттусы композиций, принадлежащих к религиозным традициям населявших страну Хатти народов, а также заимствованию хеттами верований соседних регионов с последовавшей инкорпорацией их в идеологическую структуру Хеттского царства.

Другим важным фактором, влиявшим на состав корпуса хеттских текстов, была отдалённость Анатолии от основных центров клинописной цивилизации, расположенных в Месопотамии. В отличие от Вавилонии и

Ассирии, где клинопись во II тыс. до н.э. являлась основной системой письменности, а её использование распространилось довольно широко среди представителей разных слоёв общества, в Анатолии составлением клинописных документов занимались исключительно профессионалы, связанные с государственными институтами. Сформированная под влиянием Месопотамии интеллектуальная среда, действовавшая в интересах хеттской царской власти, запечатлела в текстах не только особенности влиявшей на неё культуры, но и внутренние традиции древней Анатолии, поэтому именно архивы хеттской столицы отражают культурный ландшафт Анатолии и окрестных регионов в период позднебронзового века. Также именно в текстах из Хаттусы проявляется взаимодействие между локальными традициями и традициями, порожденными интеллектуалами на государственной службе.

Данное исследование посвящено особому виду магии, отражённому в текстах из архивов Хаттусы, – заместительным обрядам. Под заместительным обрядом понимается магическая практика, в которой человек, заказчик ритуала, уравнивается со своим заместителем для переноса на него угрозы, что уже поразила заказчика ритуала или только наступает его. Заместители являются особым видом носителей скверны, а ритуалы, где задействованы заместители, присутствуют у многих народов мира. Ритуальные заместители могут быть как неодушевлёнными предметами, так и живыми существами: животными и, в некоторых случаях, людьми. Несколько обрядов, проведённых последовательно для достижения единой цели, в данной работе называются ритуалом. Текст одного ритуала может содержать описание нескольких разных обрядов. Ритуал, в котором заместительный обряд является основным, – это подменный ритуал. Особым видом подменных ритуалов являются царские подменные ритуалы, в которых человеческий заместитель коронуется, принимая на себя царский титул, временно заступая на место настоящего царя. Тексты, сообщающие о заместительных обрядах, присутствуют в архивах Хаттусы как в форме

описаний ритуалов для царя и членов его семьи, так и в виде копий авторских ритуалов, принадлежащих к локальным традициям, которые исполнялись создателями для заказчиков за плату.

Научная новизна работы состоит во всестороннем сопоставлении описаний заместительных обрядов из архивов Хаттусы в текстах авторских традиций и в текстах царских подменных ритуалов. Хеттским царским подменным ритуалам, в том числе и вопросу их происхождения, были посвящены две монографии¹. Ряд исследований обращается к авторским традициям ритуалов, в которых могут содержаться описания заместительных обрядов². Также есть работы об использовании в хеттской магии животных как носителей скверны, в том числе заместителей³. При этом всестороннее сопоставление текстов царских подменных ритуалов и ритуалов авторских традиций никогда не проводилось. В данном исследовании заместительные обряды рассматриваются в контексте их бытования в Хеттском царстве. Уделяется внимание определению их принадлежности к религиозным традициям и связям с другими близкими обрядами внутри локальных традиций. Предлагаются новые интерпретации уже известных параграфов внутри текстов, по-новому восстанавливается ряд лакун. Корпус источников пополняется за счёт новых клинописных фрагментов, чья принадлежность к тем или иным композициям ещё не была установлена.

¹ Kümmel H.M. Ersatzrituale für den hethitischen König (StBoT 3). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967; Taracha P. Ersetzen und Entsühnen. Das mittelhethitische Ersatzritual für den Großkönig Tuthalija (CTH *448.4) und verwandte Texte (CHANE 5), Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000.

² Miller J.L. Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals (StBoT 46). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2004; Christiansen B. Die Ritualtradition der Ambazzi. Eine philologische Bearbeitung und entstehungsgeschichtliche Analyse der Ritualtexte CTH 391, CTH 429 und CTH 463 (StBoT 48). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006; Yakubovich I., Mouton A. *Luwili*. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763). Volume I: Edition and commentary. In cooperation with Laura Puértolas Rubio (StBoT 72, 1). Volume II: Discussion and Glossary. With a contribution by Laura Puértolas Rubio (StBoT 72, 2). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2023.

³ Mouton A. Rituels de ‘boucs émissaires’ en Anatolie Hittite // Proceedings of the 8th International Congress of Hittitology, September 5–9, 2011 / Ed. by P. Taracha. Warsaw: Wydawnictwo Agade, 2014. P. 558–587.

Хронологические рамки исследования совпадают с периодом функционирования хеттских государственных клинописных архивов, а именно *XVII – началом XII вв. до н.э.* К середине XV в. до н.э. происходит становление региональной Хеттской державы со столицей в расположенной в Центральной Анатолии Хаттусе: в царство была инкорпорирована страна Киццуватна на юго-востоке региона. Затем в XIV в. до н.э. хеттские правители Суппилулиума I и его сын Мурсили II устанавливают контроль над Сирией и Западной Анатолией. Таким образом, Хеттское царство превращается в первую в истории Анатолии стабильную политическую систему, объединяющую весь регион от Евфрата до побережья Эгейского моря, так называемое территориальное царство. Архивы Хаттусы являются древнейшими государственными архивами Анатолии. При этом стоит отметить, что для анализа возможных влияний на Хеттское царство соседних традиций, например, религии Месопотамии, будут привлечены источники, выходящие за упомянутые хронологические рамки, в том числе тексты I тыс. до н.э.

Географические рамки исследования – территория, подконтрольная Хеттскому царству в период его расцвета (конец XIV – XIII вв. до н.э.). Однако, учитывая необходимость анализа упомянутых выше параллелей, такие рамки примерны, и потому могут также включать в себя Месопотамию, и, в частных случаях, распространяться также на территорию Эгеиды.

Методологическая основа исследования определяется традиционным для хеттологии подходом к изучению текстов ритуалов и других религиозных композиций древней Анатолии. Выделяются ритуальные термины, упоминаемые в текстах, анализируются фигуры вовлечённых в ритуал участников и используемые атрибуты, а также божества, к которым обращены ритуальные действия. Внимание уделяется также роли и фигурам авторов рассматриваемых религиозных композиций. В работе широко используется сравнительно-исторический анализ, подразумевающий обращение к культурному контексту, в котором создавались

рассматриваемые тексты, и выявление параллелей к ним в традициях соседних культур. Работа с клинописными текстами также требует применения лингвистических методов анализа текстов. Для установления датировок отдельных манускриптов применяется палеографический анализ клинописных знаков.

Объект исследования – совокупность описанных ниже клинописных источников из архивов Хаттусы-Богазкёя, содержащих описания заместительных обрядов. **Предмет исследования** – отражённые в этих источниках заместительные обряды, демонстрирующие особенности культуры древней Анатолии.

Цель исследования – реконструировать структуру религиозных традиций Хеттского царства с помощью комплексного филологического, текстологического и исторического анализа описаний заместительных обрядов. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- проанализировать набор, контексты и этимологию терминов, которые используются для обозначения заместителей в клинописных текстах из Хаттусы-Богазкёя;

- описать структуру хеттских царских подменных ритуалов, рассмотрев указанные в текстах причины их проведения и роли участников: царя, царских заместителей, жрецов;

- проанализировать объём и возможность месопотамского влияния на хеттские царские подменные ритуалы;

- выявить возможные анатолийские источники традиции царских подменных ритуалов, рассмотрев причины проведения и действия участников прочих ритуалов, содержащих описания подменных обрядов (исполнителя ритуала, заказчика ритуала, заместителя).

Источниковая база исследования. Все источники, на которых основана работа, найдены в архивах Хаттусы и являются записями ритуалов, инструкциями для свершения магических действий. Они могут либо быть

безличными руководствами к действию, составленным для царя или же для любого частного лица, являющегося заказчиком ритуала, либо описывать конкретный случай избавления от божественной угрозы или болезни.

Хеттоязычным источником, наиболее полно описывающим исполнение царских подменных ритуалов в Хеттском царстве, являются *тексты царских подменных ритуалов*, в которых происходит интронизация заместителя. Эти тексты собраны в каталоге хеттских текстов под номерами СТН 419–421⁴. В текстах этой группы исследователями выделены две большие композиции – Однодневный ритуал (СТН 419) и Многодневный ритуал (СТН 421)⁵. Оба священнодействия различаются не только по временной протяжённости, но и по структуре, вовлечённым божествам и используемым терминам. Тексты царских подменных ритуалов описывают действия царя, жрецов и заместителей во время совершения ритуалов. Упоминаются необходимые жертвоприношения и речи, с которыми участники ритуалов обращаются к богам. Все манускрипты этой группы относятся к новохеттскому периоду (конец XIV – начало XII вв. до н.э.).

Ритуал для великого царя Тудхалии (СТН 448) описывает *схожие с царскими подменными ритуалами магические практики*, но не принадлежит к царским подменным ритуалам по причине отсутствия в нём обряда коронации царского заместителя. Древнейшие тексты этой композиции относятся к среднехеттскому периоду (XV–XIV вв. до н.э.), и вероятно, что ритуал был составлен для Тудхалии III. При этом тексты многократно копировались на протяжении последующей хеттской истории, так, до нас также дошёл манускрипт середины XIII в. до н.э., где под именем Тудхалии уже подразумевается, вероятно, Тудхалия IV. Создание этой композиции в среднехеттский период и её длительное бытование в писцовых кругах

⁴ Все тексты, происходящие с территории Хеттского царства, собраны в *Catalogue des textes hittites* (Laroche E. Catalogue des textes hittites. Paris: Klincksieck, 1971), где классифицированы согласно их жанрам, авторам и другим особенностям.

⁵ Под номером СТН 420 собраны неатрибутированные фрагменты.

позволяет проследить эволюцию использования заместительных обрядов при царском дворе Хаттусы.

Другая группа текстов, которая будет рассмотрена в этой работе, – *ритуалы против эпидемий*. Зафиксированные в архивах Хеттского царства ритуалы против эпидемий широко используют носителей скверны, но непосредственно заместителя упоминает только один из них – названный по имени автора Ритуал Пулисы (СТН 407)⁶. Главный манускрипт ритуала Пулисы (КВо 15.1) датируется второй половиной XIV в. до н.э. на основании палеографического анализа и исторического контекста правления хеттского царя Мурсили II, названного по имени в другой композиции на этой же табличке-сборнике, когда Хеттское царство страдало от длительной эпидемии⁷. При этом текст Ритуала Пулисы также обезличен, он не называет по имени проводящего ритуал царя, из особого контекста показано только возвращающееся из похода войско, в котором свирепствует болезнь. Привлечение этого текста к корпусу, на котором основано данное исследование, позволит определить культурный ареал распространения заместительных обрядов в Анатолии и сферы их применения.

Следующая группа текстов представлена композициями, описывающими *конкретные случаи применения магических практик*; тексты этой группы находятся на стыке древних жанров. К ней принадлежат так называемые тексты Афазии Мурсили II (СТН 486) и Молитвы за Гассулиявию (СТН 380).

⁶ В основном, ритуалы против эпидемий связаны с западноанатолийской страной Арцавой, завоёванной царём Мурсили II во второй половине XIV в. до н.э. Подробнее о ритуалах из Арцавы см. Hutter M. *Aspects of Luwian Religion // The Luwians (HdO I/68) / Ed. by H.G. Melchert. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 235–236; Bawanypeck D. Arzawäische Ritualpraktiken – Informationen aus Ḫattuša // Motivation und Mechanismen des Kulturkontaktes in der späten Bronzezeit / Hrsg. D. Prechel. Firenze: LoGisma, 2005. S. 3; Rutherford I. *Hittite Texts and Greek Religion. Contact, Interaction, and Comparison. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 120–127.* Ритуал Пулисы можно считать ритуалом, происходящим из религиозной традиции Западной Анатолии, но прошедшим редактуру в писцовых кругах Хаттусы, см. Иванов В.А. Происхождение ритуала Пулисы (СТН 407) // Восток (Oriens). 2023. № 4. С. 246–264.*

⁷ Singer I. *Hittite Prayers. Atlanta: Society of the Biblical Literature, 2002. P. 57–60.*

Текст Афазии Мурсили II (СТН 486) рассказывает о проблемах царя с речью, которые случились после сильной бури и явления бога Грозы царю во сне. Текст содержит описание мер, которые были предприняты для исцеления Мурсили и задабривания божества. Текст сохранился как на предназначенных только для него одноколонных табличках, так и на двухколонной табличке-сборнике, вместе с ритуалом за авторством птицегадателя Хуварлу (СТН 398). Повествование о происшествии и рассказ о применении магических обрядов ведётся самим царём от первого лица, но при объяснении необходимости совершения определённых обрядов текст пишется в третьем лице, что делает этот текст непохожим на обычные записи ритуалов. Вероятно, эта композиция была рассказом о божественной помощи, чудесном исцелении, который было необходимо поместить в храм перед статуей божества⁸.

Текст Молитвы за Гассулиявию (СТН 380) составлен от лица не названного по имени автора, обращён к божеству Лильвани с просьбой прекратить болезнь царевны Гассулиявии, приняв взамен искупительные жертвы и заместителей. Исследователями отмечено, что это произведение составлено на стыке жанров, структура текста совмещает в себе черты, характерные как для молитв, так и для ритуалов⁹. Более того, хеттская история знает двух царевен с именем Гассулиявия (живших во второй половине XIV в. до н.э. и в середине XIII в. до н.э. соответственно), что усложняет датировку текста. Комплексный анализ данной композиции позволит не только выявить дополнительные стороны использования заместительных обрядов в Хеттском царстве, но и определить работу авторов древних текстов, включавших в новые композиции пассажи из более древних произведений.

⁸ van den Hout T. Some Thoughts on the Composition Known as Muršili's aphasia (CTH 486) // *Antiquus Oriens. Mélanges offerts au Professeur René Lebrun (Volume I)* / Ed. by M. Mazoyer. Paris: L'Harmattan, 2004. P. 359–365.

⁹ Singer I. *Op. cit.* P. 71; Dauess A., Rieken E. Das Gebet der Gaššuliyawia // *Saeculum – Gedenkschrift für Heinrich Otten anlässlich seines 100. Geburtstags (StBoT 58)* / Hrsgg. A. Müller-Karpe, E. Rieken, W. Sommerfeld. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. S. 31–49.

Другая большая группа источников – это *тексты, которые фиксируют локальные ритуальные традиции*. Попадая в писцовые круги, оригинал ритуала, названный по имени своего автора и отражающий локальную традицию региона, из которого автор был родом, мог на протяжении десятилетий неоднократно копироваться и изменяться согласно нуждам хеттского двора. Клинописные фрагменты, принадлежащие к традиции одного автора, могут быть крайне многочисленны, порой объёмны и вариативны в отношении датировок.

Заместительные обряды описаны в текстах Мастигги из страны Киццуватны (СТН 404). Это хеттоязычные описания обрядов, направленных на очищение заказчика ритуала от скверны, среди которых есть и заместительные обряды. Страна Киццуватна, откуда была родом автор текста, находилась на юго-востоке Анатолии, примерно совпадала с античной Равнинной Киликией, и во II тыс. до н.э. была населена лувийцами и хурритами. Профессия Мастигги, автора этих текстов, в колофонах не названа, но текст описывает действия исполнительницы ритуалов, обозначенной как старая женщина (^{MUNUS}ŠU.GI). Старые женщины часто упоминаются в хеттских текстах как исполнительницы магических обрядов, порой связанных с родами и очищением от скверны. За выполнение ритуалов они получали плату. Тексты традиции Мастигги датируются среднехеттским и новохеттским временем. При этом древнейшие манускрипты ритуалов Мастигги, найденные в Хаттусе, содержат следы редактуры, а значит, они были записаны в Киццуватне до инкорпорации региона в Хеттское царство, и только затем оказались в Хаттусе¹⁰.

Также описания заместительных обрядов встречаются в хетто-лувийских ритуалах (СТН 758–763), среди которых исследователи выделяют традицию Пуриянни (СТН 758) и традицию Куватталлы (СТН 759–763). Специфика хетто-лувийских ритуалов состоит в том, что описания действий исполнителя ритуала в них представлены на хеттском языке, но обращения к

¹⁰ Miller J.L. Op. cit. P. 253–255.

божествам оставлены на лувийском. О Пуриянни, который стал автором ритуала против скверны в доме (СТН 758), практически ничего не известно, в то время как Куватталлу тексты колофонов называют служанкой (^{MUNUS}SUḪUR.LÁ). Вероятно, Куватталла, составившая самую первую версию ритуала, была служанкой при дворе среднехеттского царя Арнуванды I и царицы Асмуниккаль в начале XIV в. до н.э., так как её имя встречается в одном из текстов земельных пожалований (StBoT Beih. 4 № 91). Далее тексты, восходящие к созданному Куватталлой оригиналу, подобно текстам традиции Мастигги, копировались на протяжении всей хеттской истории, вплоть до прекращения существования Хеттского царства. Более поздние тексты, принадлежащие к традиции Куватталлы и содержащие следы хурритского влияния, упоминают в колофонах имя второго автора, – старой женщины Силаллухи. Вероятно, Куватталла пришла в Хаттусу из населённой лувийцами Нижней страны на юге царства, в то время как Силаллухи должна быть родом из Киццуватны, где происходил синтез лувийских и хурритских верований, и два изначально независимых друг от друга текста были объединены поздними придворными писцами в одну композицию.

В завершении представления источников также следует упомянуть текст *аккадского ритуала* из Хаттусы, возникшего за пределами анатолийского культурного ареала, но явно инкорпорированного в него. Текст записан на табличке-сборнике КВо 36.29¹¹, найденной в цитадели Бююккале, содержащей разнообразные ритуалы против болезней. Все ритуалы записаны ассиро-митаннийским дуктусом, то есть попали в Хеттское царство из Верхней Месопотамии и, скорее всего, датируются второй половиной XV – началом XIV вв. до н.э., хотя такой дуктус использовался в центральных землях царства Митанни и позднее, вплоть до

¹¹ СТН 812, КВо 36.29 obv. ii 8–53.

первой половины XIII в. до н.э.¹². Заместительный обряд упоминается в ритуале от болезни, который имитирует свадьбу злого духа, схватившего и мучающего пациента.

Перечисленные источники демонстрируют разнообразие культурных традиций, в которых использовались заместительные обряды. Это культура двора Хаттусы, населения Западной Анатолии, лувийцев и хурритов Кищуватны и жителей Месопотамии. При этом в работе эпизодически цитируются тексты из других городов Анатолии II тысячелетия до н.э., а также тексты из Месопотамии I тысячелетия до н.э.

Степень разработанности темы исследования. Чтобы продемонстрировать представленные в литературе направления исследований заместительных обрядов в анатолийских текстах II тыс. до н.э., в хронологическом порядке будут рассмотрены посвященные им основные работы. Изучение заместительных обрядов в Анатолии II тыс. до н.э. начинается в 1930-х годах, после начала систематических раскопок в Хаттусе-Богазкёе и расшифровки хеттского языка, за которой последовала активная публикация доступных текстов. Используя в Хеттском царстве обряды на ранних этапах изучения хеттской религии рассматривались как часть довольно обширной схемы, охватывающей не только древнюю Анатолию, но и Месопотамию с Восточным Средиземноморьем, религиозные традиции которых на момент обнаружения хеттских источников были лучше знакомы исследователям, а также Эгеиду, в древнейшей истории которой также искали возможные параллели культурным явлениям Хеттского царства.

Так, статья М. Виейры¹³ представляет собой совокупный анализ древних текстов, где описаны обряды замещения. Автор предполагает наличие типологического сходства между ритуалом, описанным в

¹² Schwemer D. Akkadische Rituale aus Hattuša. Die Sammeltafel KBo 39.29 und Verwandte Fragmente (THeth 23). Heidelberg: Winter, 1998. S. 50.

¹³ Vieyra M. Rites de purification hittites // Revue de l'histoire des religions. Annales du Musée Guimet. 1939. № 119. P. 121–153.

месопотамском историческом тексте Хроника ранних царей, царскими и антиэпидемическими ритуалами из архивов Хаттусы, ритуалами, описанными в новоассирийской царской корреспонденции, и ритуалом козла отпущения из библейской традиции. При этом он отмечает не только сходства, но и различия между упомянутыми практиками, обращая внимание на разницу роли царя и жрецов в хеттских и новоассирийских царских подменных ритуалах.

В статье Н. ван Брок¹⁴ анализируются термины, которыми обозначаются носители скверны. Автор разделяет их на два вида согласно основам терминов, *tarpalli-*, по её мнению, обязательно должен быть уничтожен во время ритуала, в то время как *nakkušši-* должен быть посвящён божеству. Следует отметить, что ван Брок строит свою аргументацию не только на данных царских подменных ритуалов, но и ссылается на текст Мاستигги. Также в данной работе высказывается предположение, что наличие заместительных обрядов у хеттов свидетельствует о том, что такая практика могла быть и у других индоевропейцев. Так, автор видит воспоминание об анатолийских заместительных обрядах в сюжете о смерти Патрокла из Илиады, а также предполагает связь между хеттским *tarpalli-* и греческим $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\lambda\omega\nu$.

Новый этап изучения заместительных обрядов начинается с первого их комплексного издания, работы М. Кюммеля¹⁵. Помимо царских подменных ритуалов (СТН 419–421), автор анализирует Ритуал Пулисы (СТН 407) и Ритуал Уммайи (СТН 779). В работе также есть экскурсы, посвящённые коронации хеттского царя, возможности человеческих жертвоприношений в хеттской культуре, ритуалам подменных царей в Месопотамии и классификации хеттских подменных ритуалов. Говоря о подменных ритуалах на древнем Ближнем Востоке, Кюммель утверждает, что текст Хроники ранних царей представляет собой реальное свидетельство о существовании

¹⁴ van Brock N. Substitution rituelle // Revue Hittite et Asiatique. 1959. № 65. P. 117–139.

¹⁵ Kümmel H.M. Ersatzrituale ... Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.

царских подменных ритуалов в старовавилонской Месопотамии, и в Хеттское царство соответствующая традиция попала именно из Вавилонии путём прямого контакта при Суппилулиуме I в середине XIV в. до н.э. При этом автор не считает хеттские царские подменные ритуалы калькой с вавилонских текстов, а видит в них синтез разных культур: месопотамской, сиро-ханаанской и анатолийской.

После издания М. Кюммелем основных хеттских источников по подменным ритуалам внимание исследователей фокусируется на обрядах, из которых состоят данные ритуалы, ролях участников, функциях ритуальных фигур и поиске происхождения подменных ритуалов.

Так, в вышедшей на следующий год статье¹⁶ М. Кюммель приходит к выводу, что в новоассирийских подменных ритуалах главной была именно идея замещения царя на подменного, который и принимал на себя действие неблагоприятного предсказания, что является чисто месопотамской идеей таких ритуалов, а хеттские тексты добавляют в подменные ритуалы также идею ослабления скверны путём переноса её на другое существо, подобно библейской практике козла отпущения. Таким образом, считает автор, библейская и месопотамская традиции соединились на территории Сирии, после чего попали в Хаттусу.

А. Камменхубер в исследовании гадательных практик Хеттского царства¹⁷ затрагивает также вопросы происхождения ритуалов, тесно связанных с гадательными практиками, так как перед проведением ритуалов хетты узнавали волю богов с помощью гаданий. Появление в Хаттусе царских подменных ритуалов автор связывает с деятельностью царицы Пудухепы и сужает датировку их привнесения в Хаттусу до середины XIII в. до н.э., при этом говоря не о заимствовании их напрямую из Вавилонии

¹⁶ Kummel H.M. Ersatzkönig und Sündenbock // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1968. № 80. S. 289–318.

¹⁷ Kammenhuber A. Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern (THeth 7). Heidelberg: Winter, 1976.

путём дипломатического контакта, а об освоении их хеттами через хурритов Кищуватны как посредников.

Заместительные обряды и подменные ритуалы разбирались и в обзорных работах о хеттской культуре. В опубликованном сборнике прочитанных в 1976 году лекций О.Герни¹⁸ выделены два концепта: носителей скверны (англ. *carriers*) *nakkušši-* и заместителей (англ. *substitutes*) *tarpalli-* или *tarpašša-*. Ключевым моментом использования ритуального носителя является перенос на него скверны, а заместителя – его идентификация с заказчиком ритуала. Рассматривая судьбу подменных царей в царских подменных ритуалах, Герни с удивлением замечает, что в Однодневном ритуале коронованного царского заместителя отпускают в соседнюю страну, что скорее соотносится с судьбой *nakkušši-*, чем *tarpalli-*.

Ф. Хаас описывает хеттские подменные ритуалы в обзорной работе о хеттской религии¹⁹. Он говорит о них как о средстве защиты царя от последствий неблагоприятных предзнаменований и приводит их пересказы.

В работе М. Попко²⁰ указывается, что заместительные обряды используются либо в случае получения царём неблагоприятных предсказаний, либо в ритуалах серии *taknaz dā-*, когда необходимо отвратить смерть от заказчика ритуала. Заместитель должен привлечь на себя внимание богов и спасти тем самым заказчика ритуала.

Издание П. Тарахой Ритуала для великого царя Тудхалии (СТН 448)²¹ – вторая после монографии Кюммеля большая работа, посвящённая текстам, описывающим заместительные обряды в Анатолии. Тараха разделяет историю развития подменных ритуалов в Анатолии на три этапа. В древнехеттский период в Анатолию из Сирии попадают отдельные обряды, вписанные затем в подменные ритуалы. Затем в среднехеттский период в

¹⁸ Gurney O.R. Some Aspects of Hittite Religion. The Schweich Lectures of The British Academy 1976. Oxford: Oxford University Press, 1977.

¹⁹ Haas V. Geschichte der hethitischen Religion (HdO I/15). Leiden, New York, Köln: Brill, 1994.

²⁰ Popko M. Religions of Asia Minor. Warsaw: Dialog, 1995.

²¹ Taracha P. Op. cit.

Южной Анатолии появляются ритуалы серии *taknaz dā-*, под влиянием которых тогда же происходит формирование Ритуала для великого царя Тудхалии. А в новохеттский период появляются царские подменные ритуалы, сочетающие в себе широкий перечень магических практик.

Поиску традиции подменных ритуалов в древнехеттский период посвящена статья П.М. Худехебуре²². Автор анализирует встречающийся в древнехеттском ритуале термин *ānt-* ‘равный’, обозначающий заместителя. Говоря о пути, которым подменные ритуалы попали в Хеттское царство, Худехебуре отмечает, что контакты Хеттского царства с Вавилонией не ограничиваются новохеттским периодом, а засвидетельствованы уже в древнехеттский период.

Статья Худехебуре послужила отправной точкой для исследования О. Сойсала²³. Сойсал показывает новые контексты, в которых встречается термин *ānt-*, что относятся к гадательным текстам. Один из гадательных текстов, по мнению Сойсала, описывает поражение равного хеттскому царю правителя и его превращение в козла *nakkušši-*.

В это же время поиск заместительных обрядов в древнехеттский период получает продолжение в работе С. де Мартино и Ф. Импарати²⁴. Авторы считают, что открывающее повествование Хроники Пухану (СТН 16) описание одетого в яркие одежды человека, который держит корзину и лук, – это описание царского заместителя. Создание Хроники Пухану рассматривается авторами в контексте правления Хаттусили I, и потому проведение заместительного обряда в Хронике Пухану направлено, вероятно, на устранение гнева богов на царя для обретения хеттами победы в сирийских военных кампаниях.

²² Goedegebuure P.M. KBo 17.17+: Remarks on an Old Hittite Royal Substitution Ritual. *Journal of Ancient Near Eastern Religions*. 2002. № 2. P. 61–73.

²³ Soysal O. On Hittite (LÚ) *Ānt-* "(The) Equal (One) > Rival" Again // *Journal of Ancient Near Eastern Religions*. 2004. № 4. P. 99–105.

²⁴ de Martino S., Imparati F. More on the So-Called “Puḫanu Chronicle” // *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday* / Ed. By G. Beckman, R. Beal, C. McMahon. Winona Lake: Eisenbrauns, 2003. P. 253–263.

В вышедшей в 2007 году статье Ф. Хааса²⁵ подменные ритуалы перечисляются в перечне практик, заимствованных хеттами из Месопотамии. Хаас считает, что заимствование произошло одновременно с попаданием на территорию Анатолии месопотамских гадательных практик, и вероятно, этот процесс происходит до начала письменной фиксации событий в Анатолии. Также он упоминает описание подменного обряда в хеттской литературе Древнего царства, приводя в пример Хронику Пухану (СТН 16).

В статье Д. Швемера²⁶ анализируются отразившиеся в текстах из Хаттусы ритуальные практики Месопотамии, в число которых автор включает и заместительные обряды. Автор относит хеттские подменные ритуалы к адаптациям вавилонских текстов, перечисляя признаки месопотамского влияния: участие в ритуале заклинателей *ĀŠIPU*, присутствие вавилонского бога Лугальирры, обозначение заместителя аккадским термином *PŪH=ŠU* ‘его заместитель’. Швемер говорит о дискуссии, произошло ли заимствование месопотамской практики хеттами напрямую от вавилонских и ассирийских специалистов в Хаттусе, или же посредством контакта с населёнными хурритами Сирией и Киццуватной, но не решается примкнуть ни к одной из сторон.

А. Мутон²⁷ рассматривает роль носителей скверны в хеттских ритуалах. Её классификация отличается от предложенной классификации Гёрни (см. выше) – термин «носитель скверны» относится и к заместителям, и к козлам отпущения. Мутон считает, что в хеттском мире было два центра формирования традиций носителей скверны: в Сирии, включая Киццуватну, и в Западной Анатолии.

²⁵ Haas V. Hittite Rituals against Threats and Other Diseases and Their Relationship to the Mesopotamian Traditions // *Disease in Babylonia (CM 36)* / Eds. by I.L. Finkel, M.J. Geller. Leiden, Boston: Brill. P. 100–119.

²⁶ Schwemer D. Gauging the influence of Babylonian magic: The reception of Mesopotamian traditions in Hittite ritual practice // *Diversity and Standardization. Perspectives on social and political norms in the ancient Near East* / Eds. by E.C. Cancik-Kirschbaum, J. Klinger, G.G.W. Müller. Berlin: Akademie-Verlag, 2013. P. 145–172.

²⁷ Mouton A. Op. cit.

В монографии М. Хуттера²⁸ магические ритуалы рассматриваются как средство преодоления кризисов. Исследователь обращает внимание на наличие текстов ритуалов серии *taknaz dā-* (упоминая ритуалы Мастигги, Асту, Тунनावии), которые использовались как простыми смертными, так и царями, делая вывод, что ритуалы в отношении царя не сильно отличались от ритуалов, используемых в народе. Хеттский царь мог столкнуться с кризисами самого разного характера, как порождёнными идеологией царской власти, так и последствиями происходящих событий. Среди причин проведения магических ритуалов для царей Хуттер перечисляет неблагоприятные предзнаменования, последствия колдовства, болезни и психические расстройства, эпидемии смертельных болезней. Инкорпорированные в подменные ритуалы заместительные обряды использовались хеттской царской властью как раз для устранения последствий неблагоприятного предзнаменования, хотя автор пополняет перечень их применения лечением заболевания, приводя в пример Афазию Мурсили II (СТН 486), и антиэпидемическим средством, упоминая Ритуал Пулисы (СТН 407). При этом автор склонен объяснять наличие у хеттов царского подменного ритуала влиянием Месопотамии, цитируя Хронику ранних царей как свидетельство реального существования царских подменных ритуалов в Месопотамии старовавилонского периода.

И. Якубович и А. Мутон в совместной монографии²⁹ подготовили современное издание хетто-лувийских ритуалов, содержащих заместительные обряды. Авторы рассматривают виды заместителей (одушевлённые, неодушевлённые), их функции (перенос скверны), и сходства с текстами других авторских традиций (Мастигги и Тунनावии). При этом наличие в тексте описаний заместительных обрядов может зависеть от принадлежности композиций к тому или иному писцовому кругу.

²⁸ Hutter M. Religionsgeschichte Anatoliens. Vom Ende des dritten bis zum Beginn des ersten Jahrtausends (Die Religionen der Menschheit 101) Stuttgart: Kohlhammer, 2021.

²⁹ Yakubovich I., Mouton A. Op. cit.

Таким образом, изучение заместительных обрядов в древней Анатолии идёт по трём направлениям. Это выявление функций ритуальных заместителей (1), определение истоков, из которых заместительные обряды были заимствованы жителями древней Анатолии (2), а также поиск анатолийских магических практик, повлиявших на заместительные обряды Хеттского царства в географическом и хронологическом аспектах (3). Считается, что заместитель принимал на себя грехи заказчика ритуала или царя, при этом мог быть также искупительной жертвой для божества (1). Большинство исследователей полагают, что царские подменные ритуалы Хеттского царства были созданы под влиянием Месопотамии, в которой они существовали как минимум со старовавилонского периода (2). В качестве анатолийской локальной традиции, повлиявшей на попавшие в Хаттусу подменные ритуалы, упоминаются хуррито-лувийские магические практики страны Киццуватны, выступившие посредником между Месопотамией и Анатолией, порой к ним прибавляется типологически похожая традиция Западной Анатолии (3). При этом подробного исследования, которое бы совместило механизмы формирования царских подменных ритуалов с бытованием и использованием региональных традиций, не проводилось.

Научно-практическая значимость работы состоит в выявлении сходств и различий между двумя большими группами текстов государственного и локального происхождения. Такой анализ демонстрирует механизмы работы интеллектуальных кругов Хеттского царства, где формировалась и воспроизводилась идеология власти страны Хатти, а также фиксировались и осмыслялись традиции Анатолии и соседних регионов, происходило заимствование существующих религиозных и магических практик и создание новых.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке различных проблем культурной истории Анатолии XVII – XII вв. до н.э. в рамках курса истории древнего Востока, культуры Древнего мира, а также при составлении и чтении специальных курсов и семинаров и написании

учебных пособий. Первый структурированный перевод на русский язык ряда хеттских текстов ритуалов позволит упростить знакомство русскоязычных студентов с этими источниками по культуре древнего Ближнего Востока.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Терминология для обозначения ритуальных заместителей в хеттских текстах по происхождению разделена на две группы: хетто-лувийскую и сиро-месопотамскую. К хетто-лувийской группе относятся однокоренные лексемы *tarpalli-*, *tarpašša-* и их производные, а также термин *ānt-*, обозначающий заместителя с указанием на его равенство по отношению к заказчику ритуала. Сиро-месопотамская группа включает в себя аккадский термин *PŪHU*, а также его хурритское производное *pūhugari-*, обозначающие заместителей в текстах из Хаттусы. Термин хурритского происхождения *nakkušši-*, использующийся для обозначения особого носителя скверны, родственного библейскому козлу отпущения, не относится к заместительным обрядам, но, подобно хеттскому *ānt-*, отражает одну из функций ритуальных заместителей (перенос скверны), встречается в похожих контекстах, поэтому может быть включён в сиро-месопотамскую группу. Ритуальные смыслы, которыми наделена каждая из групп, практически синонимичны, и потому термины могут встречаться в одних и тех же текстах.

2. Хеттский царский подменный ритуал является изобретением писцов Хаттусы, отражающим магические практики древней Анатолии. Сопоставление текстов хеттских царских подменных ритуалов с авторскими композициями, принадлежащими к локальным ритуальным традициям, показало многочисленные параллели и сходства. Попадая в архивы Хаттусы, тексты локальных традиций становились основой для создаваемых при хеттском царском дворе новых произведений. Укоренившееся в литературе представление о хеттских царских подменных ритуалах как о переосмыслении писцами Хаттусы вавилонских ритуалов должно быть пересмотрено.

3. В Месопотамии II тыс. до н.э. не существовало практики царских подменных ритуалов. Единственное свидетельство о ней – Хроника ранних царей – отражает реалии Новоассирийской державы I тыс. до н.э., а не старовавилонской Месопотамии, или же является свидетельством о существовании такой практики в царстве Исина, но в таком случае это была бы очень локальная традиция, проникновение которой в расположенную на периферии клинописной цивилизации Хаттусу крайне сомнительно. Другие источники из Месопотамии II тыс. до н.э. также не упоминают релевантную магическую практику.

4. Терминология для обозначения заместителей в хеттских царских подменных ритуалах заимствована хеттскими писцами из ритуальной традиции лувийцев страны Киццуватны. Наиболее частотно заместители обозначаются ритуальными терминами *tarpalli-* и *tarpašša-* именно в текстах, принадлежащих традициям Мاستигги (СТН 404), Пуриянни (СТН 758), Куватгаллы и Силаллухи (СТН 759–763), связанных с Киццуватной. Эти же термины используются и в хеттских царских подменных ритуалах. Заместители в ритуалах из Киццуватны исполняют функции носителей скверны, но такая ритуальная роль заместителей из хеттских царских подменных ритуалов скорее является вторичной.

5. Представление о заместителе как об искупительной жертве, практически отсутствующее в ритуалах из Киццуватны, пришло в Хаттусу из Западной Анатолии вместе с арцавскими ритуалами против эпидемий. При том, что в ритуалах из Арцавы отсутствуют обозначения заместителей как *tarpalli-* и *tarpašša-*, именно в них описывается украшение носителей скверны с целью сделать тех более привлекательными для разгневанных божеств. Именно такая роль заместителей как искупительных жертв отразилась в хеттских царских подменных ритуалах и других описаниях заместительных обрядов, составленных при дворе Хаттусы, где неоднократно присутствуют описания достоинств ритуальных заместителей.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на всероссийских и международных конференциях в виде следующих докладов: «“Хроника ранних царей” как исторический источник» на конференции Рождественские Агоны (2021) в Твери, «Классификация хеттских подменных ритуалов» на первой студенческо-аспирантской конференции общества «Улисс» в Москве (2021), “The Purpose of Creating the Chronicle of Early Kings” на 66-й конференции Rencontre Assyriologique Internationale в Майнце (2022), «Ритуал Пулисы и другие хеттские ритуалы против эпидемий» на четвёртой студенческо-аспирантской конференции общества «Улисс» в Москве (2022), «Rutherford I. Hittite Texts and Greek Religion. Contact, Interaction, Comparison (рецензия на монографию)» на пятой студенческо-аспирантской конференции общества «Улисс» в Москве (2022), а также «Подразумевается ли подменный ритуал в текстах традиции города Таурисы?» на Чтениях памяти профессора И.М. Тронского в Санкт-Петербурге (2024).

Структура и основное содержание диссертации

Работа состоит из введения, основной части, заключения и приложения. Основная часть работы состоит из трёх глав. Первая глава посвящена анализу терминов, которыми обозначены заместители текста из Хаттусы-Богазкёя. Во второй главе рассматриваются структура хеттских царских подменных ритуалов и вопрос о месопотамском влиянии на неё. Третья глава содержит анализ прочих заместительных обрядов в религиозных традициях Анатолии. Каждая глава разделена на параграфы, посвящённые проблемам более частного характера. Работа снабжена приложением, в котором приведены транслитерации и переводы наиболее часто цитируемых в исследовании текстов на русский язык.

Введение раскрывает теоретическую основу диссертационного исследования. Оно включает в себя обоснование актуальности, хронологические и географические рамки, источниковую базу исследования, степень разработанности темы в научной литературе, объект и предмет,

постановку цели и задач исследования, обоснование научной новизны, теоретической и практической значимости исследования, методологическую основу исследования.

Первая глава «**Термины для обозначения заместителя и их производные**» посвящена филологическому анализу лексем, обозначающих ритуальных заместителей в текстах из Хаттусы. Параграфы в этой главе распределены согласно частотности употребления терминов в источниках и культурно-антропологическим характеристикам их использования, что позволяет наиболее ярко выявить особенности их этимологии, семантики и употребления.

В первом параграфе главы речь идёт о двух родственных терминах для обозначения заместителя, хеттском *tarpalli-*, лувийском *tarpašša-* и их производных. Несмотря на принадлежность к разным языкам, оба термина используются в схожих словосочетаниях. Есть композиции, где обе лексемы взаимозаменяемы. Также рассмотрены родственный термин *tarpanalli-* ‘равный соперник’ и родственный ему глагол *tarpanallašša-* ‘соперничать’, встречающиеся в мифологических и политических контекстах. При этом лувийский глагол *tarpī-*, согласно последним исследованиям, не обозначает процесс замещения, а является схожим по семантике обозначением вступления на чьё-то место или атаки, а значит, заговор из традиции города Таурисы (СТН 764.1) не содержит описания заместительного обряда. Далее речь идёт о возможной связи между хетто-лувийскими обозначениями для заместителя и греческим термином *θεράλων*, которым в текстах Илиады обозначается статус Патрокла по отношению к Ахиллу. В антиковедении и хеттологии на современной стадии развития и филологи, и литературоведы склонны скорее отрицать связь между этими двумя лексемами. В завершении параграфа рассмотрен аккадский аналог термина *tarpalli-* – *DINĀNU*, не встречающийся в хеттских ритуальных текстах. Таким образом, хеттский *tarpalli-* и лувийский *tarpašša-* являются родственными терминами, связанные с ними лексемы широко употребляются в текстах не только

религиозного, но и политического жанра. Возможные дальние параллели для них присутствуют скорее в текстах из Западной Анатолии и Эгеиды, а их связь с культурой Месопотамии порождена скорее месопотамским происхождением хеттской системы образованности, чем их лингвистическими особенностями.

Второй параграф главы посвящён истории изучения, контекстам и этимологии термина *ānt-* ‘равный’, который также может использоваться для обозначения ритуального заместителя. Рассматривается хеттский термин *annauli-* с таким же значением, но использующийся исключительно для описания политического равенства, никогда не встречающийся в ритуальных контекстах. Лувийские термины *ayali-* и *ayawali-* не связаны с приведёнными выше терминами.

Третий параграф описывает особого носителя скверны, обозначенного термином *nakkušši-*, который не является заместителем. Наиболее близкий его аналог – библейский козёл отпущения. Тем не менее, его разбор важен для понимания функционирования лексики, связанной с ритуальными терминами. Был сделан вывод о хурритском происхождении данного термина, от хурритского глагола *nakk-* со значением ‘дать уйти, освободить’, потому что этот глагол максимально точно передаёт функцию *nakkušši-* в ритуалах, которые принимают на себя и уносят миазмы заказчика ритуала. Абстрактное понятие *nakkuššahit-* может быть переведено как ‘статус/ритуал козла отпущения’, потому что оно образовано с помощью лувийского абстрактного суффикса *-ahit-*. Параллельное формирование абстрактного термина *tarpaššāhit-* ‘статус/ритуал заместителя’ с использованием того же лувийского суффикса подкрепляет аргументацию. Таким образом, термин *nakkušši-* имеет хурритское происхождение и встречается в текстах, связанных с хурритским культурным ареалом, таких как ритуал Уммайи (СТН 779), но также активно используется в текстах хеттского и лувийского происхождения, имеет хеттские и лувийские дериваты.

Завершающий параграф первой главы посвящён аккадским терминам для обозначения ритуальных заместителей и их производным. Аккадская лексема *PŪHU* ‘замена’ может обозначать как одушевлённого заместителя, так и глиняную фигурку. Она встречается в качестве гетерограммы в хеттских текстах и в текстах из Месопотамии, хотя её употребление шире, чем ритуальный контекст. При этом возможное употребление этого термина в пассаже из хетто-египетской дипломатической переписке не находит подтверждения. Образованный от *PŪHU* хурритский термин *pūḫugari-* обозначает животных носителей скверны и является ярким примером, демонстрирующим месопотамский термин, который был в ходу в населённой хурритами Сирии, где приобрёл хурритский суффикс *-ugar-*, после чего попал в архивы Хаттусы.

Анализ терминов, которыми обозначены заместители в текстах из Хеттского царства, показывает, что термины делятся на две группы. В первую группу входят хеттский и лувийский *tarpalli-* и *tarpašša-*, обозначающие процесс замены, а также пересекающийся с ними по семантике термин *ānt-*, обозначающий равенство, присущее заместителю. Во второй группе оказывается хурритский термин *pūḫugari-* и аккадский *PŪHU*, эквивалентно понятиям из первой группы обозначающие процесс замены. Первая группа терминов распространена скорее в хетто-лувийском культурном ареале, а вторая – в сиро-месопотамском. Обе группы обозначают параллельные друг другу понятия и могут использоваться внутри одного и того же текста.

Вторая глава **«Царские подменные ритуалы»** посвящена анализу истоков и развития традиции проведения царских подменных ритуалов в Хеттском царстве. Глава состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе *«Причины проведения»* проанализированы инципиты, колофоны древних текстов и косвенные указания участников разных ритуалов на мотивацию проведения царских подменных ритуалов. Тексты свидетельствуют о том, что царские подменные ритуалы проводились

нерегулярно, в случае получения предсказания о смерти царя. Такое предсказание могло быть получено как путём намеренного использования известных в Хаттусе гадательных практик (авгурии, инкубации, гадании по мясу жертвенных животных), так и в случае особых знамений на небе, например, особых изменений Луны, описанных в хеттских гадательных текстах, причём лунное затмение не является единственным вариантом такого предзнаменования. В ходе подготовки текста этого параграфа удалось собрать доказательства, что неатрибутированный ранее фрагмент KUB 54.62 является манускриптом Однодневного ритуала (СТН 419), на основе упоминания данного богом Луны знамения и богов Земли.

Второй параграф «Участники» описывает круг лиц, задействованных в царских подменных ритуалах. Это непосредственно царь, заместители и жрецы, помогающие проводить ритуал. В Однодневном ритуале (СТН 419) царь обращается к богам, описывая свои действия и призывая их проявить к нему милость, отменив действие неблагоприятного знамения. Особые метаморфозы происходят с царём во время проведения Многодневного ритуала (СТН 421), где он ритуально лишается своего статуса и переживает ритуальную смерть. Одновременно с этим над человеческим заместителем исполняется обряд коронации. В Однодневном ритуале царский заместитель выбирался из пленников и изгонялся из хеттской столицы после окончания ритуала, что свидетельствует об отсутствии у хеттов традиции убийства царских заместителей. Антропоморфные фигурки *šēna*- использовались как заместители, предлагаемые богам Подземного мира, и потому можно предположить, что их закапывали в землю. Участвующие в Многодневном ритуале вавилонские жрецы *ĀšIPU* упоминаются только в обрядах, связанных с божеством Лугальбиррой, что показывает, что влияние культуры Месопотамии на царские подменные ритуалы Хеттского царства было невелико.

Третий параграф второй главы «Царские подменные ритуалы в Месопотамии» представляет собой обзор и анализ клинописных текстов,

описывающих царские подменные ритуалы в Месопотамии. Внимание уделяется вопросу об историчности эпизода из так называемой Хроники ранних царей, сообщающего о проведении царского подменного царём Исина XIX в. до н.э. Эрра-имитти. При проведении ритуала Эрра-имитти умер, подавившись горячей кашей, а его место занял подменный царь, которым был садовник Энлиль-бани. Синхронный анализ царских списков старовавилонского периода и переписки царей с придворными учёными в Новоассирийской державе позволяет сделать вывод, что Хроника ранних царей была не историческим текстом, а политическим памфлетом эпохи царя Асархаддона, написанным представителем оппозиционной вавилонской аристократии. Таким образом, единственный источник, свидетельствующий о наличии в Месопотамии II тыс. до н.э. царских подменных ритуалов, не может восприниматься как достоверный. При этом сравнение сведений из подменных ритуалов VII в. до н.э., практикуемых в Ассирии, с их хеттскими аналогами позволяет говорить скорее о независимом существовании царских подменных ритуалов в Хеттском царстве и переизобретении традиции в Месопотамии I тыс. до н.э.

В третьей главе исследования **«Заместительные обряды в ритуалах очищения»** рассмотрены ритуалы, зафиксированные в архивах Хаттусы, которые могли использоваться не только при царском дворе, но и простыми людьми. Эти ритуалы не обязательно связаны с идеологией царской власти, подобно царским подменным ритуалам, и показывают локальные верования и культурные феномены древней Анатолии.

В первом параграфе *«Причины проведения»* рассказывается о концепции скверны, вредоносной субстанции, заражение которой могло стать причиной болезней, семейных конфликтов и прочих неудач заказчика ритуала. Избавление от скверны описывается в ритуалах традиции Куватгаллы (СТН 759–763) и Мاستигги (СТН 404). Альтернативной причиной проведения таких ритуалов было получение свидетельства о гневе богов, например, как следствие пренебрежения божественным знаменем,

как в случаях, описанных в Афазии Мурсила II (СТН 486) и Молитве за Гассулиявию (СТН 380). Итогом гнева богов также является эпидемия в хеттском войске, попыткой прекратить которую является Ритуал Пулисы (СТН 407), что имеет параллели, например, в тексте Илиады, где от насланной богом Аполлоном болезни страдает ахейское войско. Аккадский ритуал против злого демона, вредящего человеку, где описан заместительный обряд, стоит в этом перечне особняком, так как в тексте нет указаний на вину самого пациента во встрече с демоном.

Второй параграф третьей главы «*Царь и заказчик ритуала*» раскрывает роль центральной фигуры, для которой производится ритуал. Такой человек может быть как очень активным: произносить заклинания и лично участвовать в обрядах, так и практически ничего не делать, но тогда активным становится исполняющий ритуал маг или жрец. Активное участие является прямым следствием личной ответственности человека за происшествие, ставшее причиной проведения ритуала, в основном определяющейся наличием у него царского статуса. Мурсила II, которого поразила недуг вследствие неоднократного игнорирования воли бога Грозы, вовлечён в ритуалы для собственного исцеления, так же как и активно действующий царь в ритуале Пулисы, ответственный за эпидемию в своём войске. Случаи, где заказчик ритуала пассивен и большую часть действий совершают жрецы, принадлежат к ритуалам авторских традиций.

Третий параграф «*Заместители*» раскрывает роли носителей скверны в рассматриваемой группе текстов, которые помогают определить культурную принадлежность отдельных композиций. Заместители, будь это люди или животные, могут воплощать в себе одну из функций: быть носителем скверны, который должен унести скверну как можно дальше от заказчика ритуала и других людей, или быть искупительной жертвой, которая должна буквально заменить пациента в глазах разгневанного божества. Главный смысл подменных ритуалов в авторских традициях – очищение заказчика ритуала путём перенесения скверны на заместителя с дальнейшим его

уничтожением. Такое представление о заместителях фиксируется в ритуалах из Киццуватны и близлежащих ей территорий. В то время как ритуалы с запада Анатолии, такие как Ритуал Пулисы, представляют заместителей как искупительную жертву, что способна успокоить гнев божества. Совмещение двух представлений о заместителях произошло в Хаттусе, куда попали тексты обеих традиций.

Заключение

Заместительные обряды Анатолии II тыс. до н.э. в целом и хеттские царские подменные ритуалы в частности показывают соединение нескольких ритуальных традиций, а именно: лувийцев Киццуватны и жителей Западной Анатолии, с эпизодическими проявлениями месопотамских религиозных установок, знакомых писцам Хаттусы, с параллельным развитием схожей хурритской традиции. Такое смешение религиозных традиций, вероятно, должно было произойти во второй половине XIV в. до н.э., когда под влияние Хеттского царства, вслед за Киццуватной и Сирией, попала Западная Анатолия. Этот вывод подтверждается данными палеографии текстов хеттских царских подменных ритуалов, наиболее ранняя возможная датировка которых – период IIIа, правление царя Мурсили II. Таким образом, хеттские царские подменные ритуалы становятся древнейшими зафиксированными царскими подменными ритуалами в мировой истории. Установление в Анатолии власти Хеттской державы сделало возможным аккумуляцию писцами Хаттусы верований и магических практик большинства народов региона, а хеттские царские подменные ритуалы возникли, благодаря работе интеллектуальных кругов Хеттского царства, направленной на осмысление доступных им текстов.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования «eLibrary Science Index», а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история:

1. Иванов В.А. К вопросу о цели создания «Хроники ранних царей» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 2(76). С. 187–201. (0,9 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,358)
2. Иванов В.А. Подразумевается ли подменный ритуал в текстах традиции города Таурисы? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. XXVIII (1). С. 682–690. (0,5 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,106, Scopus – SJR – 0,204)
3. Иванов В.А. Происхождение ритуала Пулисы (СТН 407) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 4. С. 246–264. (1,5 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,341, SJR – 0,11)
4. Ivanov V.A. Hittite *ānt*- and Related Lexemes // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 6. Р. 42–51. (0,9 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,341, SJR – 0,11)
5. Ivanov V.A. Substitution Rites and Scapegoat Rites in Hittite-Luwian Rituals // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 2(84). Р. 198–218. (1,8 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,358)